
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'282.2

*Н.Ю. Баженов**

СОСТАВ И СТРУКТУРА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «РЕЧЬ» В САМАРСКИХ ГОВОРАХ

В статье описывается фрагмент лексической системы самарских говоров — лексико-семантическое поле, включающее обозначения, денотативно связанные с речевой деятельностью. Рассматриваются основные линии семантической дифференциации исследуемого поля, представленные в научной литературе. Опыт семантических исследований диалектной лексики говорения, выполненных на материале разных говоров, показывает, что лексика речи организуется на основе трех базовых аспектов речи — внешнеакустического, содержательного, или концептуального, и коммуникативного. Анализ лексико-семантических объединений обозначений речевого действия в русских говорах и лексико-семантических групп, составляющих ЛСП «Речь» в литературном языке, дает основание судить об общности их системной организации.

Ключевые слова: семантика, лексико-семантическая система, поле, русские говоры, самарские говоры, речь.

Словарный состав языка представляет собой единую систему, в составе которой выделяются разные по объему упорядоченные относительно друг друга лексические классы, в числе которых лексико-семантическое поле (ЛСП) признается крупнейшим [1, с. 314]. Мы придерживаемся понимания ЛСП как группировки слов разных частей речи, превышающей по объему лексико-семантическую группу (и в то же время вбирающей в себя отдельные ЛСП), единицы которой объединяет языковое выражение определенной понятийной сферы [2, с. 3].

Предлагаемая работа посвящена лексико-семантическому полю, в состав которого входят слова и фразеологизмы, денотативно связанные с речевой деятельностью. Материалом исследования послужили слова, бытующие в русских говорах Самарской области. При этом нами избран недифференциальный способ рассмотрения диалектного лексического материала, т. е. учитывались не только собственно диалектные лексико-фразеологические единицы (ЛФЕ), но и другие пласты лексики самарских говоров — общерусские и просто-

* © Баженов Н.Ю., 2014

Баженов Николай Юрьевич (nickolai.bazhenoff@yandex.ru), филологический факультет, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

речные элементы. Такой подход призван рассмотреть конкретный фрагмент словарного состава русских говоров как цельное системное образование. К диалектно-просторечной лексике и фразеологии мы относим слова, которые употребляются в говорах и при этом известны городскому просторечию. Основанием для отнесения лексем к разряду просторечных служат соответствующие пометы в толковых словарях – в БАС и в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой.

Источниками данных для анализа стали, во-первых, тексты – записи диалектной речи из Куйбышевской областной диалектологической хрестоматии [3] и из архивных диалектологических материалов самарских вузов – СамГУ и ПГСГА. Во-вторых, привлекались материалы словарей (словарные толкования и иллюстративный материал): изданные выпуски Словаря русских народных говоров [4] и «Материалы словаря говоров Поволжья» [5]. В-третьих, использованы картотека Лексического атласа русских народных говоров и собственные записи автора – текстовые фрагменты и записи отдельных фраз.

ЛСП «Речь»¹ в самарских говорах насчитывает 615 языковых единиц, из них 155 (25,5 %) собственно диалектных (далее – диал.). Остальные пласты – это общерусские слова (далее – общерус.; 364 ЛЕ, 58,5 %), диалектно-просторечная лексика (далее диал.-прост.; 96 ЛЕ, 16 %). Всего отмечено 8 фразеологических единиц (далее – ФЕ; 1,3 % от общего числа ЛФЕ), из них 2 общерусских (25 % от общего количества ФЕ), 3 диалектно-просторечных (37,5 %) и 3 диалектных (37,5 %). Основную массу поля «Речь» составляют глаголы – 410 ЛЕ (67 % от общего числа лексем), из которых 287 (70 %) – общерусских, 44 – диалектно-просторечных (11 %), 79 – диалектных ЛЕ (19 %). Помимо глаголов, поле представлено существительными (характерологические обозначения человека и жанры говорения) – 151 ЛЕ (25 % от общего числа), из которых 53 диалектных (35 %), 34 диалектно-просторечных (22 %), 64 общерусских (43 %). Также выявлено 46 прилагательных (7 % от общего числа), из них 20 диалектных (43 %), 11 общерусских (24 %), 15 диалектно-просторечных (33 %).

Таким образом, поле «Речь» вбирает в себя единицы всех пластов лексики русских говоров. Самый обширный лексический слой в составе исследуемого поля составляют общерусские слова. Больше всего диалектизмов наблюдается среди прилагательных. Среди фразеологизмов незначительно преобладают диалектно-просторечные единицы.

В науке существует несколько классификаций единиц, составляющих в русском языке ЛСП «Речь» [6; 7]. Однако ни одна из перечисленных классификаций не может претендовать на то, чтобы считаться полной структурно-семантической характеристикой глагольных единиц этого поля. Построение семантических парадигм будет несколько условным вследствие богатого семантического потенциала лексем со значением говорения, не всегда очевидной очерченности состава дифференциальных сем в структуре их значения, а также известной диффузности семантики диалектного слова [8, с. 19–29].

Как отмечает Л.М. Васильев, «каждый нормальный речевой акт непременно связан с произношением тех или иных единиц речи, выражением с их помощью каких-либо мыслей и сообщением этих мыслей слушающему» [7, с. 84]. Данное определение позволяет ученому выделить три важнейших аспекта речевого действия: 1) внешний акустический (или акустико-физиологический) аспект, характеризующий процесс произнесения членораздельной речи посредством речевого аппарата; 2) внутренний, содержательный аспект, отражающий смысловое наполнение высказывания; 3) аспект, отражающий коммуникативную связь адресанта речи и ее адресата, т. е. передачу некоторой информации говорящим и ее восприятие слушающим [7, с. 84].

¹ В настоящей статье терминологические обозначения (при первом их упоминании), названия семантических полей, цитаты из научных работ даются в угловых («...») кавычках. Толкования значений слов даны в английских кавычках (“...”), если дефиниция приводится по словарной статье. В иных случаях, когда определения значений даются нами, они оформлены «марковскими» кавычками (‘...’).

Соотношение этих параметров в семантике единиц ЛСП «Речь» вариативно, так как в одних лексемах любой из перечисленных аспектов может быть ядерной частью их семантики, в других же лексемах он может оказаться на периферии их лексического значения. В то же время эти аспекты так или иначе вытекают из двух базовых составляющих человеческой речи: ее внешней, акустической, материальной и внутренней, содержательной, идеальной сторон. Поэтому основная линия, по которой представляется логичным проводить описание парадигматических свойств ЛСП «Речь» – подразделение входящих в него ЛЕ на основании следующих признаков: а) характеристика акустической, звучащей, физиологической стороны речи; б) характеристика внутренней, структурно-содержательной стороны высказывания. Подобное разделение обуславливает деление наименований, связанных с речевой деятельностью, на более частные семантические признаки, о которых сказано ниже. Отметим, что такой принцип деления нашел свое отражение в немалом количестве работ, посвященных диалектной лексике говорения [9; 10].

Так, в статье Л.А. Ивашко [9] содержится общий обзор ЛСП глаголов речи в говорах Низовой Печоры. Выделяются «наиболее характерные» группы слов: глаголы со значением ‘владеть устной речью, говорить, беседовать’, ‘громко говорить, кричать’, ‘быстро, бойко говорить’, ‘вести пустые разговоры, болтать’ и ‘болтать вздор, нелепицу’, ‘ворчать, брюзжать’, ‘ругать, бранить’, ‘ругаться, браниться’, ‘сплетничать’, ‘клеветать’. Любопытным, на наш взгляд, представляется то, что не выделена в качестве самостоятельной группа глаголов со значением ‘лгать’, в отличие от группы слов со значением ‘болтать вздор’. Можно предположить, что в сознании диалектоносителей понятия лжи и пустословия разграничиваются слабо и часто выступают как тождественные; ср. употребление в самарских говорах глагола *ля'сничать* как в значении ‘пустословить’, так и в значении ‘лгать’: *Чем ля'сничать, помо'г бы лучшы.* Мур. – *Ля'сничай! Любо'во спрощу', о'н мьне' подтверди'т, што я' права'* Мур. (ДА).

Ю.А. Бессонова, исследовавшая глаголы речи в орловских говорах, в отличие от других исследователей, не дает развернутой классификации глаголов речи и ограничивается их простым перечислением, притом с минимальным количеством примеров [10]. Исследователь отмечает в составе рассмотренной парадигмы в основном те же признаки, что выделяет Л.А. Ивашко, с добавлением некоторых (‘здороваться’, ‘благословлять’, ‘поздравлять’, ‘поучать’, ‘лстить’, ‘хвалить’), в том числе, на наш взгляд, к полю говорения не относящихся (например, ‘петь песни’).

Объектом номинации в говорах становится речь в самых разных ее проявлениях. К наиболее семантически абстрактным относятся общие наименования речевого действия. В самарских говорах это, прежде всего, общерусские глаголы *говорить, рассказывать, излагать, сообщать, высказывать, беседовать, толковать*, а также перешедшие в разряд просторечных глаголы со значением ‘говорить, излагать мысли, разговаривать, беседовать’: *ба'ять, каля'кать, ска'зывать, суда'чить*, а также диалектные слова, известные и за пределами Самарской области, – *бала'кать, бала'нить, бала'–кать, галди'ть, глаго'лить, гута'рить, гудо'рить, каза'ть* и *речи'ть*.

Внешние параметры речи как наиболее отчетливые в плане семантики выделяются многими исследователями парадигмы ЛЕ говорения [6, 7, 9, 10]. Семантический анализ позволил нам выделить в составе интегрирующего признака («внешняя сторона речи») следующие семы-конкретизаторы:

а) интенсивность, сила звучания, громкость речи – общерус. *крикун, крикунья*; диал.-прост. *горла'стый*; диал. *базла'нить* “громко кричать; плакать” [4, вып. 2, с. 74], *га'лда* (КК), *горла'ч* (НК), *горлопа'й* (П., Мос.), *крику'ша* (КК) – ‘крикун’;

б) темп речи; отчетливость, внятность речи – общерус. разг. *трещать*; диал. *чихова'ть* (Как *соро'ка чыку'ет: у на' с та'к говоря'т про тово', хто' ча'сто говори'т: ну, ну, зачыкова'л, соро'ка!* Уз. [3, с. 54; 5, с. 347]), *сы'пать горо'х* (*Мару'сь, гаварю', падажди', не сы'нь гаро'х, не панима'ю я', што' гавари'шь.* Сок.) – ‘быстро говорить’, *балабо'л* – ‘тот, кто быстро говорит’ (*Хто' чисти'т, ча'сто гавари'т, тот и балабо'л.* Д.);

в) особенности интонации – внешнее отражение эмоционального состояния говорящего, проявляющегося, например, через повышение громкости, особый тембр голоса и прерывистость речи: общерус. *причитать*, диал. *причитывать* ‘причитать’ (*Фсе причитываит де’д, фсе причитываит.* Ч.);

г) внутренняя членимость речи – общерус. *вопить*, *орать* общерус. *причитать*, диал. *прибаса’ть* “приговаривать” (*Вот и будешь прибаса’ть: «Де’душка Дени’с, потяни’ со’лнышко на ни’з.»* Тамб. [5, с. 292]);

д) благозвучие высказывания, соответствие нормам произношения, возможное наличие речевых дефектов и понятности для слушающего: общерус. *гнуса’вить*, диал.-прост. *гундо’сить* ‘говорить в нос’, диал. *гнуса’тый* (Ор.), диал. *гундо’сливый* (КИ, КК, НБ), *гунду’сий* (*Гунду’сий тым како’й-то.* В.) – ‘гнусавый’.

Среди наиболее характерных дифференциальных признаков речи в плане ее содержания можно выделить такие, как:

а) ‘много’ / ‘мало’ – общерус. *говорун*, *болтун*, диал. *болту’ша* (Сок.), *москва’* ‘разговорчивый человек’ (Д.), *бахо’ря* (м. и ж., Ор.), *шляя’* “болтливая женщина” (К.) [5, с. 344]; диал. *небасли’вый* (*Уж бо’льно она’ небасли’вая!* Уз.) [6, с. 171], диал. *небрехли’вый* (Ор.) – ‘неразговорчивый’;

б) ‘по делу’ / ‘не по делу’ – диал. *борми’ть* “болтать, заниматься празднословием” (*Борми’т, борми’т, а рабо’тать и не думат.* Б.) [5, с. 179]), *варна’кать* “болтать” (Ефр.) [5, с. 182], *гу’бы трепа’ть* “болтать” (Ар.) [5, с. 197]; диал.-прост. *баля’сы* “разговоры, болтовня” (*Баля’сами бу’дем занима’цца.* Мих. [5, с. 171]);

в) ‘говорить правду’ / ‘говорить вздор’ – общерус. *лгать*, *врать*; диал.-прост. *болта’ть* ‘врать’ (Мур., П., Ор.), *хва’стать* “лгать, врать” (СИ) [5, с. 340]; диал. *бре’ндит* ‘врать’ (НБ), *гнуть* ‘рассказывать небылицы, врать’ Мос., *бреха’ло* ‘лгун’ (КК), *плетуха’лка* “врунья” (*Плетуха’лка така’я.* Б. Дерг. / М. Глуш. [5, с. 280]), *брех* ‘врун’ Укр., *вра’ка* ‘ложь’ П.;

г) ‘хвастовство’ – общерус. *хвастаться*, *бахвалиться*; общерус. *хвастливый*, диал. *бахва’листый* (КК), *нахва’листый* (КИ) – ‘хвастливый’;

д) ‘сплетни’ – общерус. сплетничать; диал. *звене’ть* (*Звяни’т, звяни’т пра все’х.* Ефр. [5, с. 214]), *клепа’ть* (КК), *балахва’стить*, *у’шничать* (Ор.) – ‘сплетничать’, *подлабу’зник* ‘сплетник’ НК, *шарма’нка* ‘сплетница’ (*Шырма’нки фсе зна’ют.* Ар. [5, с. 351]), *зубочес* ‘сплетник’ (КК, Укр.); *обсудник* ‘сплетник’ (Укр.), диал. *обсудница* ‘сплетница’ (Укр.), *пустобрех* ‘болтун, сплетник’ (Мос.), *чистохво’стка* ‘сплетница’ (Ор.);

е) ‘ворчание’ – общерус. *ворчать*; диал. *бурде’ть* “ворчать” (*Зя’ть на’чал бурде’ть.* Макс. [5, с. 179]);

ж) ‘обдуманно’ / ‘необдуманно’ – общерус. *ля’пнуть*; диал. *набуро’вить* ‘наговорить, непреднамеренно исказив правду’ (*Ой, што’ я’ ва’м, де’вки, набуро’вила!* З. [5, с. 179]).

Среди дифференциальных признаков, отражающих коммуникативный план речи и говорящего, наиболее частотны следующие:

а) ‘общительность’ / ‘необщительность’ – общерус. *общительный*, *разговорчивый*; диал. *брехли’вый* ‘разговорчивый’ (Мур., Ток.), *нелюди’мок* ‘нелюдим’ (КИ);

б) ‘насмешки’ – общерус. *зубоска’лить*, диал. *взгудля’ться* (Мос.), *зубоска’литься* (КК), *надсмеха’ться* (П.), *осмеха’ться* (КИ) – ‘насмехаться’;

в) ‘ссора, брань’ – общерус. *ругаться*, диал. *лихости’ться* “ругаться” (*Дру’х на дру’жку не лихасті’лись, у нас висяло’ бы’ло.* ТО [5, с. 245]), диал. *вздо’рник* ‘вздорный, сварливый человек’ (КИ), *сва’рник* ‘сварливый человек’ (Ор.), *завари’ха* ‘сварливая женщина’ (Ор.);

г) ‘надоедливо’ – диал. *сдо’ньжить* – «надоедать с просьбами» (Ут.) [5, с. 214], *навя’за* (КИ, Мос.), *надо’е’да* (П.), *надо’е’дник* (Ор.), *назо’льник*, *назо’льница* (оба слова – КИ) и др.

Многие слова в составе выделенных групп могут быть в разной степени семантически близкими.

Акт говорения характеризуется с самых разных сторон, и нередко в одном слове отражено сразу несколько аспектов речевой ситуации. Наименее очерченными представляются границы подгрупп, отражающих такие аспекты, как: **быстрота** и, с другой стороны, **невнятность** речи, часто сопутствующие друг другу, – в плане акустики (**тараторить**), а также **объем** сказанного и его **смысловая наполненность** (**балабонить**, **бредить**, **бормить**), **объем** сказанного и **ложь** (**брехать**), **ложь** и **пустословие** (диал. **лясничать**, см. пример выше), **ложь** и **сплетни** (**клепать**, **осудачивать**), **ложь** и **хвастовство** (**хвастать** ‘лгать’, **хвастун** ‘лгун’) – в плане содержания. Нередко наблюдается наличие в семантической структуре одной лексемы сем – выразителей разноаспектных признаков. Например, признак ‘**громкость**’ нередко актуализирует признаки ‘**пустословие**’ и ‘**большое количество**’ (план содержания): диал. **база’н** ‘крикун; болтун’ (НБ).

По нашим наблюдениям, семантические субполя, единицы которых объединены архисемами ‘**пустословие**’, ‘**ложь**’, ‘**сплетни**’, ‘**хвастовство**’, ‘**лесть**’, ‘**грубость**’, ‘**агрессия**’, в говорах оказываются более разработанными по сравнению с литературным языком. Однако очевидно, что средствами литературного языка можно обозначить больший спектр коммуникативных ситуаций – главным образом это касается ситуаций официального общения, описание которых в литературном языке занимает значительное место.

В целом можно сказать, что системная организация ЛСП «Речь» в диалектах принципиально не отличается от таковой в литературном языке. Как показало проведенное исследование, рассмотренный фрагмент лексико-семантической системы диалекта в самарских говорах организуют те же признаки, что характерны и для других говоров, а также для литературного языка: собственно диалектные единицы исследуемого поля способны так же, как и литературные, отражать ситуацию речи с самых разных сторон – внешней акустической, содержательной, коммуникативной. Это свидетельствует о единстве картины мира русских и единых принципах речевого этикета. Различие между подсистемами диалекта и литературного языка, как это представляется на данном этапе исследования, выражается в том, что в литературном языке, в отличие от диалекта, номинации подвергается больший спектр речевых ситуаций. Кроме того, для литературного языка в большей степени, чем для любого говора, характерна широкая синонимия, в том числе стилистическая. Дальнейшая разработка этой проблематики, в том числе выявление семантических лагун в диалектной системе по сравнению с литературным языком, составляет перспективу нашего исследования.

Список сокращений

Ал. – Алексеевка Алексеевского р-на; Ар. – Арзамасцевка Богатовского р-на; Б. – Березовка Шигонского р-на; Б. Дерг. / М. Глуш. – Большая Дергуновка / Малая Глушица Большеглушицкого р-на; В. – Волчанка Красноармейского р-на; Вл. – Владимировка Безенчукского р-на; Д. – Давыдовка Приволжского р-на; Дм. – Дмитриевка Безенчукского р-на; Ефр. – Ефремовка Богатовского р-на; З. – Зувка Нефтегорского р-на; К. – Кожемяки Кинель-Черкасского р-на; КИ – Криволучье-Ивановка Красноармейского р-на; КК – Крепость Кондурча Шенталинского р-на; КЯ – Красный Яр Красноярского р-на; Макс. – Максимовка Богатовского р-на; Мих. – Михайловка Красноярского р-на; Мос. – Мосты Пестравского р-на; Мур. – Муранка Шигонского р-на; НБ – Новый Буян Красноярского р-на; НК – Новый Камелик Большечерниговского р-на; НО – Нижняя Орлянка Сергиевского р-на; Ор. – Орловка Кошкинского р-на; П. – Печинено Богатовского р-на; Серг. – Сергеевка Красноярского р-на; Сок. – Сокский Исаклинского р-на; СИ – Самовольно-Ивановка Алексеевского р-на; СП – Старое Похвистнево Похвистневского р-на; Тамб. – Тамбовка Большеглушицкого р-на; Тим. – Тимашево Кинель-Черкасского р-на; ТО – Тяглое Озеро Пестравского р-на; Тр. – Тремасово Красноярского р-на; Уз. – Узюково Ставропольского р-на; Укр. – Украинка Большечерниговского р-на; Ут. – Утевка Нефтегорского р-на; Ч. – Чувичи Хворостянского р-на.

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Либроком, 2010. 356 с.
2. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Наука, 1982. 293 с.
3. Малаховский В. А. Куйбышевская областная диалектологическая хрестоматия // Уч. зап. Куйб. пед. ин-та. Куйбышев, 1957. Вып. 17. 184 с.
4. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. М.; Л.; СПб., 1965–2013. Вып. 1–46.
5. В.А. Малаховский и изучение народных говоров Поволжья: учеб. пособие по русской диалектологии / сост. М.Н. Барабина, О.А. Безуглова, Л.И. Бордунова [и др.]. Куйбышев: КГПИ, КГУ, 1991. 384 с.
6. Ничман З. В. К вопросу о лексико-семантических классах слов (на материале глаголов устной речи в современном русском языке) // Проблемы русского языка: научные труды Новосибир. гос. пед. ин-та. Новосибирск, 1973. Вып. 91. С. 4–19.
7. Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // Очерки по семантике русского глагола. Уфа: Изд-во Баш. ун-та, 1971. С. 38–310.
8. Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). М.: Наука, 1979. 336 с.
9. Ивашко Л.А. Глаголы речи в печорских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006 / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2006. С. 166–171.
10. Бессонова Ю. А. Семантическое микрополе глаголов речи в литературном языке и в говорах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. С. 33–37.

References

1. Karaulov Yu.N. General and Russian ideography. M., Librokom, 2010, 356 p. [in Russian]
2. Novikov L.A. Semantics of Russian language. M., Nauka, 1982, 293 p. [in Russian]
3. Malakhovsky V.A. The Kuibyshev region dialectological reader. *Uch. zap. Kuib. ped. in-ta [Educational notes of Kuibyshev Pedagogical Institute]*, 1957, Issue 17, 184 p. [in Russian]
4. Dictionary of Russian folk dialects. F.P. Filin, F.P. Sorokoletoev (eds). Issues 1–46. M.; L.; SPb., 1965–2013. [in Russian]
5. V.A. Malakhovsky and investigation of the Volga Region folk dialects: teaching aid on Russian dialectology. Compilers: M.N. Barabina, O.A. Bezuglova, L.I. Bordunova, T.F. Zibrova. Kuibyshev, KGPI, KGU, 1991, 384 p. [in Russian]
6. Nichman Z.V. To the matter on lexico-semantic word types (on the material of oral speech verbs in the modern Russian language). *Problemy russkogo iazyka: nauchnye trudy Novosibir. gos. ped. in-ta [Problems of Russian language: scientific works of Novosibirsk State Pedagogical Institute]*. Novosibirsk, 1973, pp. 4–19. [in Russian]
7. Vasiliev L.M. Semantic types of verbs of feeling, thought and speech. *Ocherki po semantike russkogo glagola [Studies on the semantics of Russian verb]*. Ufa: Izd-vo Bash. un-ta, 1971, pp. 38–310. [in Russian]
8. Kogotkova T.S. Russian dialectal lexicology (state and perspectives). M., Nauka, 1979, 336 p. [in Russian]
9. Ivashko L.A. Speech verbs in the Pechora dialects. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniia) 2006 [Lexical atlas of Russian folk dialects (materials and studies) 2006]*. Institute of Linguistic Researches. SPb., Nauka, 2006, pp. 166–171. [in Russian]
10. Bessonova Yu.A. Semantic micro-field of speech verbs in literary language and dialects. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]*. Tambov: Gramota, 2011, pp. 33–37. [in Russian]

*N. Yu. Bazhenov**

CONSTITUTION AND STRUCTURE OF LEXICO-SEMANTIC FIELD OF «SPEECH» IN SAMARA DIALECTS

In the article the fragment of lexical system of Samara dialects – lexico-semantic field that includes lexemes that are denotatively connected with speech activity is described. The basic lines of semantic differentiation of an investigated field, presented in the scientific literature are viewed. Experience of semantic researches of dialectal words denoting speech, realized on the material of different dialects demonstrates that the vocabulary of speech is based on three basic parameters of speech act: outwardly acoustic (or physiological); conceptual (or theoretical) and communicative ones. The analysis of lexico-semantic associations of denoting the speech act within the Russian dialects and lexico-semantic groups that compose lexico-semantic field «Speech» in the literary language, gives grounds to judge on unity of their system organization.

Key words: semantics, lexico-semantic system, field, Russian dialects, Samara dialects, speech.

* *Bazhenov Nikolai Yurievich* (nickolai.bazhenoff@yandex.ru), post-graduate student of the Dept. of Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.